

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ И КУЛЬТУРА ECONOMICS, POLITICAL SCIENCE, SOCIETY AND CULTURE

УДК 398

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.28.5

«Патракеевка — поморское село»: особенности локальной идентичности жителей с. Патракеевки Приморского района Архангельской области¹

© **Дранникова Наталья Васильевна**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и религиоведения Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации. Тел. +79115507016.

E-mail: n.drannikova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия.

Аннотация. Статья посвящена исследованию локальной идентичности жителей села Патракеевки Приморского района Архангельской области. Исследование проводится на основе полевых материалов, полученных за время фольклорно-этнографической экспедиции Северного Арктического федерального университета в Патракеевку в 2015 г. В период глобализации изучение идентичности местных сообществ позволяет глубже раскрыть особенности традиционной культуры. Село находится на берегу Белого моря и имеет промысловый тип хозяйствования и культуры. Местные жители относятся к локальной группе поморов Зимнего берега Белого моря. С целью изучения локальной идентичности местного сообщества в статье рассматриваются ритуальные и символические промысловые практики, функционирование локально-групповых прозвищ, особенности историко-культурной памяти, устанавливаются границы микроареала, центром которого является Патракеевка.

Ключевые слова: локальная идентификация, Патракеевка, Белое море, поморы, промысловая культура

“Patrakeevka — a Pomor village”: local identity features of the Patrakeevka village residents, Primorsky district, the Arkhangelsk Oblast²

© **Natalya V. Drannikova**, Dr. Sci. (Philol.), associated professor, Department for cultural and religious studies, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication. Tel. +79115507016. E-mail: n.drannikova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia.

Abstract. The article presents the research of local identity of Patrakeevka villagers (Primorsky district, Arkhangelsk Oblast). The study grounds on the fieldwork materials collected during the folklore-ethnographic expedition of the Northern (Arctic) Federal University to Patrakeevka village in 2015. In the period of globalization, a study of local communities and their identity allows to reveal traditional culture peculiarities. The village is located on the shore of the White Sea. Therefore, it has a fishing type of economy and culture. The indigenous people there belong to the local group of Pomors from the Northern Coast of the White Sea. In order to study local identity of the indigenous community, the author deals with traditional and trade practices, functioning of local-group nicknames and peculiarities of historical and cultural memory. The study also defines boundaries of the micro-area with Patrakeevka being its centre.

Keywords: local identification, Patrakeevka village, the White Sea, Pomors, fishing and sea-hunting culture

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-14-29002.

² The research is done within the framework of the scientific project N 15-14-29002, supported by Russian Scientific Fund for Humanities.

Введение

Идентичность населения, проживающего по побережью Белого моря, лишь недавно стала темой научного исследования. О локальной идентичности жителей села Койды Мезенского района Архангельской области писала Н.В. Дранникова [1]. Вопросы поморской идентичности населения Кандалашского берега рассматриваются в книге И.А. Разумовой [2]. О современной фольклорно-этнографической традиции побережья Белого моря писали Т.А. Бернштам, П.А. Филин, М.Д. Алексеевский, А.И. Васкул, И.В. Козлова, Н.Г. Комелина, Н.В. Дранникова, Т.Н. Морозова [3; 4; 5; 6; 7; 8, 9; 10; 11.].

В июле 2015 г. состоялась фольклорно-этнографическая экспедиция в муниципальное образование «Патракеевское» Приморского района Архангельской области. Целью экспедиции было исследование локальной идентичности местного населения и промысловой традиции Зимнего берега Белого моря, связанной с выловом рыбы и зверя, на основе полевых материалов, полученных за время фольклорно-этнографической экспедиции Северного (Арктического) федерального университета в это село. В экспедиции принимали участие студенты и аспиранты Северного (Арктического) федерального университета. Руководила экспедицией Н.В. Дранникова. За время экспедиции было опрошено 30 местных жителей в возрасте от 40 до 90 лет. Среди записей, сделанных за время экспедиции в Патракеевку, большую часть составили описания символических и повседневных промысловых практик, приметы и поверья о местных рыболовных промыслах, устные рассказы об историческом прошлом деревни, рассказы о поморском календаре. Собранные материалы находятся в архиве Центра изучения традиционной культуры Северного (Арктического) федерального университета (далее — ФА САФУ), фонд 16, папка 615.

Методология

Объектом исследования в статье являются полевые материалы, заключающие в себе самописание традиции. Материал собирался в процессе полевого диалога. Для сбора материала использовались традиционные методы собирательской работы: беседа, интервью, опрос, а также метод включённого наблюдения.

В статье мы используем термины: традиция, локальная идентичность, культурный ареал, локальная микрогруппа, поселенческая группа, устный рассказ. Методологии, которые подходят для изучения устойчивых крестьянских культур и сохранения их в музеях, плохо отвечают ситуации, когда урбанизация не ограничивается только городами, и сельскохозяйственная культура трансформируется в индустриальную. Эту проблему, считает Л. Хонхо, помогает решить изучение культурной идентичности местных сообществ, так как люди заин-

тересованы в ее сохранении и поддержании [12]. Они оперируют этими знаниями, даже если не могут чётко выразить то, что имеют в виду. Термин «традиция» используется нами в нескольких значениях. Во-первых, это механизм социализации и инкультурации людей, канал хранения и передачи информации и ценностей от поколения к поколению; во-вторых, элементы социального и культурного наследия, которые мы помещаем в фольклорные архивы; в-третьих, опыт и знания социальной группы.

Л. Хонко характеризует понятие «традиция» как более широкое, чем культурная идентичность. Идентичность он относит к понятию второго порядка и рассматривает ее как часть коллективной традиции, выделенной из нее, чтобы представлять группу в культурной коммуникации [12]. Локальная идентичность (далее ЛИ) — идентификация человека с местом своего проживания. Понятие «культурный ареал» используется в науке для обозначения географического района распространения близких артефактов и культурных явлений. Население одной деревни или села мы считаем возможным называть локальной микрогруппой, так как оно представляет собой специфическое культурное пространство с особым самосознанием [13, Дранникова Н.В., с. 30]. Поселенческая группа — группа деревень или сёл, существующих в большом временном отрезке. В статье мы опираемся на классификацию речевых жанров, предложенную М.М. Бахтиным [14]. Устный рассказ он относит к первичным речевым жанрам. Устный рассказ — первичный речевой жанр, возникающий во время диалога. К.В. Чистов подчеркивал трудности выделения устного рассказа из обыденной речи [15]. Наряду с речевыми жанрами мы используем общепринятую фольклористическую жанровую классификацию, которая опирается на содержательные, формальные и прагматические характеристики. В частности, это термин «предание», который мы понимаем как текст, референт которого относится к прошлому.

Историко-культурная характеристика с. Патракеевка

Село Патракеевка находится на Зимнем берегу Белого моря в 70 километрах от Архангельска и в нескольких километрах от моря, в той его части, которая называется Сухим морем. Оно представляет собой широкий, мелководный плёс с песчаными отмелями, простирающийся к северу от Березовского устья реки Северной Двины и является частью Двинской губы Белого моря. Зимний берег — часть побережья в южной части Белого моря. Он начинается от устья реки Северной Двины и заканчивается мысом Вороновым. Патракеевка расположена на берегах реки Мудьюги. В настоящее время она состоит из 5 деревень: Верховье, Кушкушара, Наволок, Горка, Патракеевка. В 3 километрах от неё находятся д. Кадь, в 25 — д. Куя и Козлы.

Нам не удалось найти указания на точную дату появления Патракеевки. Исследователи сходятся во мнении, что Патракеевская волость, ранее именуемая Мудьюжской, сформировалась в XVI в. [16, Леонтьев А.И., с. 144]. Благодаря тому, что её жители занимались морскими промыслами, мореплаванием и судоходством, она была одной из самых богатых волостей в Архангельской губернии, а её жители имели более высокий культурный уровень, чем жители других деревень, расположенных на Зимнем берегу Белого моря. В ней намного раньше, чем в других населённых пунктах, появилась школа. Многие из её жителей были грамотными уже в XIX в., в то время как церковно-приходские школы в Архангельской губернии стали появляться в конце XIX в. Интерес к образованию особенно вырос после 1908 г., когда в России началась реализация программы всеобщего начального образования³. Школы в деревнях открывались по решению сельских обществ. Население Патракеевки было заинтересовано в том, чтобы дети были грамотными и могли в дальнейшем служить лоцманами, поэтому в 1841 г. в Мудьюге было открыто шкиперское училище, которое содержалось за счёт казны⁴. С 1849 г. в приходе существовало сельское училище, в котором наряду с мальчиками обучались и девочки⁵. О высоком уровне жизни жителей Патракеевки свидетельствует информация, опубликованная в 1915 г. в «Лоции Белого моря». В ней отмечалось, что в это время «в Патракеевской волости проживало 1762 жителей, имелось 3 церкви и 339 домов, лошадей — 246, рогатого скота — 286, овец — 1014, мореходных судов — 68, карбасов — 89 и лодок — 156»⁶. В 2015 г. во время нашей экспедиции в деревне проживало всего 335 человек. Из указанных в лоции трёх храмов в самой Патракеевке было два: деревянный храм Николая Чудотворца, построенный в 1744–1746 годах, и каменная церковь Успения Пресвятой Богородицы (1870 по 1878 гг.), храм Трёх святителей находился в деревне Кадь. В советское время храмы были разрушены, и сейчас местные жители пытаются их восстановить.

Как и другие населённые пункты, расположенные на побережье Белого моря, Патракеевка имеет промысловый тип хозяйствования и культуры. Большая часть её населения была занята мореходством, судостроением и промысловой деятельностью, связанной с ловлей сёмги, сельди, сига, камбалы, подлёдным ловом наваги и кореха и боем морского зверя.

³ По планам Министерства народного просвещения, все дети дошкольного возраста должны были получить со временем бесплатное минимальное образование. Соответствующие планы разрабатывались и земствами. Обязательное для всех обучение было введено в 1908 г.

⁴ Там же.

⁵ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской Епархии. Архангельск, 1894. Вып. 1: Уезды Архангельский и Холмогорский. С. 135.

⁶ Лоция Белого моря. Петроград, 1915. С. 155.

Наряду с этим жители деревни занимались скотоводством и сельским хозяйством, которое не получило здесь большого развития. В дореволюционное время Патракеевка была широко известна своими судовладельцами, которые, по рассказам местных жителей, имели «судов больше, чем в самом Архангельске». На судах они ходили в Норвегию для торговли, которая проходила в прибрежных норвежских населённых пунктах, начиная от населённых пунктов, расположенных неподалёку от Кольского полуострова, и заканчивая г. Тромсё. На судах жители Патракеевки везли лес, пиломатериалы, пеньку, дёготь, посуду, муку и другие продукты, которые обменивали на рыбу, а после возвращения в Архангельск продавали её [17, Попов Г.П., Семьин А.А., Бурков Г.Д.; 18, Нурпейсова А.В., с. 11]. В XIX — начале XX в. правительство ввело для поморов льготы на торговлю и строительство судов, что стимулировало развитие товарообмена между населением Белого моря и норвежцами. Во время Гражданской войны многие из жителей Патракеевки, имеющие парусные суда, вместе со своими семьями ушли в Норвегию⁷.

В 1929 г. в Патракеевке была создана сельскохозяйственная артель «Красное знамя», а в 1933 г. на её базе был образован одноимённый рыболовецкий колхоз. Он занимался прибрежным ловом рыбы и добычей донных и океанических пород рыбы в Баренцевом море и Атлантическом океане. В 1990-е гг. новая социально-экономическая ситуация сильно понизила статус рыболовецких колхозов.

Анализ

Уровень самоидентификации местного сообщества и осознания им своего населённого пункта, как непохожего на другие, оказался довольно высоким. Большинство из наших респондентов считают себя поморами. Поморы — этнографическая группа русского населения, проживающая на побережье Белого моря и занимающаяся морскими промыслами. На наш вопрос о том, кого ещё из жителей Архангельской области местные жители считают поморами, нам ответили, что «самые помористые — мезенцы, приморяне (жители Приморского района) и онежане, до Холмогор — все поморы» (С.И. Бурков, 1948 г. р.). ЛИ местного сообщества тесно связана с воспоминаниями о местных промыслах. Её особенности передают широко распространённые здесь пословицы и поговорки: «Море — наше поле», «Кто в море не бывал, тот богу не маливался» и др., которые выполняют интегрирующую функцию.

Ещё одной из особенностей ЛИ жителей Патракеевки является их убеждение в своей культурной близости к жителям г. Архангельска: «Архангельск, Соломбала и Патракеевка —

⁷ Попова Т. Патракеевка // Рыбак Севера. Архангельск, 1981. 11 июля. С. 3–4.

одно целое», — говорят они. Соломбала — островная часть г. Архангельска, поздно вошедшая в его состав. Приводя доказательства этого, они отмечают близость местонахождения Патракеевки от Архангельска: «Ездили на карбасах⁸ с самоварами из Патракеевки в Соломбалу» (А.Г. Кокорина, 1938 г. р.). Наши респонденты относят архангелогородцев к категории «своих» и не отделяют себя от них. Патракеевцы считают, что к архангелогородцам, т.е. к ним, повсюду хорошо относятся и «*везде уважают*». Данное убеждение было основано на том, что в советское время такие встречи происходили в различных портах мира, в которые заходили архангельские суда. В качестве самоназваний жители Патракеевки и Архангельска используют одно и то же локально-групповое прозвище (далее — ЛГП) — *трескороды*. Его существование свидетельствует о развитой ЛИ микрогруппы. Происхождение данного ЛГП наши респонденты объясняют тем, что треска была их любимой едой («*На треске, в общем-то, народ-то и раньше выжил...*»). Основой питания жителей прибрежных сёл была рыба. Роль этой рыбы была особенно велика в голодные военные годы. Вторым вариантом объяснения его происхождения связан с участием местных жителей в мурманском тресковом промысле («*основной промысел рыбацкий тресковый был*»).

Наряду с эндонимом-самоназванием жители Патракеевки имеют экзонимичные ЛГП, одно из которых, как и предыдущие ЛГП, связано с промысловой деятельностью местного населения — *ревчеды* («*Есть рыба ревча⁹, на вид она очень страшная, вся в бугорках. Жители деревни её ловят и едят*» [13, Дранникова Н.В., с. 330]). Оба прозвища хорошо знают жители соседних деревень. Жители Патракеевки принимают по отношению к себе прозвище *турки/патракеевские турки*, с помощью которого их называют соседние сообщества. Этноним «турки» ассоциируется в русской народной культуре с незнанием правил поведения, культурной отсталостью и нарушением норм, принятых в обществе. Иноэтнические антропонимы связаны с категорией «чужого». Объяснения наших респондентов эксплицируют данные ассоциации.

«*Патракеевцы — турки. Рассказывали: «Был сослан в Мезень поп, ехал мимо, и бабка не пустила его ночевать». Он и сказал: «Какие вы турки!» А другие говорят, что это Ворошилов был*» (В.Н. Замятин, 1937 г. р.); «*Патракеевка — Турция. Был в ссылке Климент Ефимович Ворошилов и бежал с Мезени, а его не особо приняли*» (Ж.Д. Замятина, 1942 г. р.).

Средством аргументации происхождения прозвища является указание респондентом на распространённость данной информации, представленное формулой «слухов и толков»

⁸ Карбас — большая лодка с высокими бортами, использующаяся в морском и речном транспорте для рыбного промысла и перевозки грузов.

⁹ Ревча — бычок.

— *говорят*. Вместо того чтобы принять священника на ночлег, во втором варианте — К.Е. Ворошилова, жители Патракеевки отказывают ему. Их действия нарушают установленные нормы поведения и соответствуют восприятию «чужого» в народной культуре. К.Е. Ворошилов представляется своеобразным культурным героем северо-восточной части Архангельской области. Аналогичные анекдотичные тексты, действующим героем которых является К.Е. Ворошилов, существуют в других населённых пунктах на побережье Белого моря (например, в с. Долгощелье Мезенского района, в д. Лопшеньге Приморского района) [13, Дранникова Н.В., с. 315–316, 329]. В объяснениях о происхождении этого ЛГП обыгрывается географическое положение Патракеевки и Турции вблизи от моря: «*Турки — за Чёрным морем, а патракеевцы — за Сухим*» (А.Г. Кокорина, 1938 г. р.).

Жители Патракеевки с гордостью называют своё село *капитанской деревней*. Объясняя данный перифраз, они утверждают, что только в 1960–1980-е гг. в г. Мурманске проживало 40 капитанов — уроженцев этой деревни: «*В Мурманске жило наших капитанов сорок с лишним. Патракеевка — капитанская деревня, так называемая*» (С.И. Бурков, 1948 г. р.). «*Очень много капитанов вышло отсюда. Копыловы, Бурковы, Копытовы, Стрелковы — очень много капитанов. Сейчас вот — Антуфьев, это самое, как его, Валера Фунников, всё вот это капитаны. Это теперешние, а ранишние — Лапин, мой отец, — капитан, Стрелковы — из Кади, а потом Антуфьевы — с Патракеевки*» (Т.А. Копытова, 1947 г. р.).

Формулы «*очень много капитанов*», «*вот это капитаны*» исполнительница произнесла в течение беседы несколько раз, что усиливало достоверность её рассказа. В последние десятилетия появилось ещё одно перифрастическое наименование Патракеевки — «*Патракеевка — родина капитанов и моряков*», интертекстуально связанное с названием книги Г.Д. Буркова «Патракеевка — село поморское, родина капитанов» [19]. В данном случае её название является прецедентным текстом по отношению к возникшему перифразу.

Одним из факторов, актуализирующих идентичность, является возможность межгруппового сравнения, которое представляет основание для оценивания «своей» и «чужой» группы. В ситуации сравнения (а в определённых случаях — противопоставления) с группой «чужих» чётко обозначаются критерии идентичности. Деревни культурного микроареала, центром которого была Патракеевка, были тесно связаны родственными и хозяйственными отношениями, но несмотря на это, во время ссор жители деревень называли друг друга по прозвищам — так деревня Куя имела прозвище *прорубники*, демонстрирующее культурно-хозяйственные особенности местного сообщества. Мотивационная рефлексия исполнителей связывает его происхождение с большим количеством прорубей, которые зимой делали её

жители: *«проруби долбили, у каждой семьи была своя прорубь»* (А.Г. Кокорина, 1938 г. р.). Кюя имела ещё одно хорошо известное всем окрестным деревням ЛГП, в котором, возможно, сохранилась память о первопоселенцах — *новгородцы*: *«говорят, раньше первые поселенцы были из Новгорода»* (Е.М. Падзиор, 1929 г. р.). Соседняя с Кудей деревня Козлы имевалась с помощью популярного на северо-востоке Архангельской области орнитонимического прозвища — *чабары*¹⁰. Второе её ЛГП — *псковичи/псковитяне*.

«У нас, значит существовало такое: женились в Козлах и переезжали в Кую, женились в Куде и переезжали в Козлы. Обмен крови-то был. Так вот одних новгородцами называли, других — псковитяне. Одних — прорубники, только вот я не помню: новгородцев вроде... Не помню: новгородцам звали из Козел или из Куде, но, в общем, новгородцы и псковитяне, и прорубники — проруби долбили только» (А.Г. Кокорина, 1938 г. р.).

Во время встреч, которые происходили между жителями различных деревень, ЛГП выполняли функцию размежевания микрогрупп.

Кроме жителей Архангельска, к «своим» патракеевцы относят сообщества соседних деревень Лапоминки, Поборки, Лодьмы, Ижмы, которые находятся друг от друга в радиусе примерно 50 км. Территория этих населённых пунктов, включая г. Архангельск и его островную часть Соломбалу, д. Кую и Козлы, о которых мы писали выше, образуют культурный микроареал. Между жителями этих населённых пунктов заключались браки. Территория, на которой они расположены, представляет собой зону распространения определённых локальных культурных типов и черт, связанных с морскими промыслами. Жители Патракеевки хорошо знают ЛГП и присловья данных населённых пунктов.

Стереотип «чужого» способствует установлению собственной локальной идентичности. Жителей поморских деревень Койды и Ручьёв, которые находятся в 170 км от Патракеевки на территории Мезенского района, уже не относят к «своим», поэтому прозвищ их не знают. Несмотря на то, что соседнее село Зимняя Золотица расположено в 82 км от Патракеевки и входит в состав Приморского района, патракеевцы противопоставляли себя её жителям: Золотица хоть и «своя», но в то же время она уже «чужая». Патракеевцы недолюбливали золотичан за то, что те, по их мнению, были нелюдимыми и плохо шли на контакт с более культурными и образованными жителями Патракеевки. Последние хорошо знают ЛГП жителей Золотицы — *демона*. По народным верованиям, представители «иного» мира могут вызывать изменения в погоде. С жителями Золотицы была связана примета о том, что их появление на море вызывает плохую погоду (В.М. Фирсов, 1950 г. р.).

¹⁰ Чабар — птица.

Кроме населения поморских деревень, расположенных на большом расстоянии от Патракеевки, её жители противопоставляют себя населению деревень, расположенных в лесу, и казакам. Хотя среди местного сообщества существовали поверья о духах-«хозяевах» природы и культурного пространства: леших, водяных и русалках, хозяйках тонских избушек¹¹ и домовых, но в то же время рассказчики отмечают, что данные представления более характерны для жителей «лесных» деревень, которые менее образованы, чем они.

Когда во время полевого диалога возникал вопрос об отношении поморов к казакам, то патракеевцы полагали, что казакам жилось легче, чем поморам, т.к. они находились в более комфортных климатических условиях, а не в экстремальных, как они, что они отличаются самомнением и склонностью к буффонаде. Приоритет поморов над казаками, по утверждению наших респондентов, заключается в том, что поморы осваивали Арктику, Сибирь и Аляску. К поморам они причисляют исследователей, путешественников, землепроходцев и завоевателей Сибири, Дальнего Востока и Аляски: уроженца г. Сольвычегодска Вологодской губернии Е.П. Хабарова, Великого Устюга — Семёна Дежнёва, завоевателя Сибири — Ермака Тимофеевича, уроженца г. Каргополя, основателя русских поселений на Аляске и её первого губернатора А.А. Баранова. Доказывая свою правоту, один из наших рассказчиков вступил в риторический спор, в котором утверждал, что казаки не способны на подобные трудности и испытания: *«Какие казаки? Казак шел югом, я согласен, а здесь... Морем шли поморы! Фамилии-то наши»* (С.И. Бурков, 1948 г. р.).

В прошлом местное сообщество противопоставляло себя не только казакам, но и ненцам — представителям самодийского народа, проживающего на территории Мезенского района Архангельской области и Ненецкого автономного округа. В настоящее время ненцы перестали посещать Патракеевку, но раньше, когда они во время своих кочёвок приезжали в село, то к ним относились с опасением и считали колдунами.

Хорошо сохранившаяся историко-культурная память относится к культурному контексту ЛИ жителей Патракеевки. «Социальная память» объединяет группу и отличает её от других. Среди наших записей есть устные рассказы об историческом прошлом деревни (об её основании, о набегах норвежцев, о мореходах и судовладельцах, существовавших до революции связях с Норвегией, о старообрядцах, о спорах с Соловецким монастырем из-за усадеб, о посещении Соловецкого монастыря, о Гражданской войне и интервенции, среди последних — о побеге заключенных-красноармейцев из тюрьмы, созданной интервентами, на острове Мудьюг, о раскулачивании и др.). «Воспоминания» о новгородском происхождении

¹¹ Тоня — участок моря, обустроенный для ловли рыбы.

являются неотъемлемой частью ЛИ местного сообщества. По популярной версии, существующей в устной традиции, первопоселенцами Патракеевки были новгородцы, которые, по утверждению местных жителей, бежали сюда от московского царя или же, по другой версии, были высланы после присоединения Новгорода к Московскому княжеству в конце XV в.: *«Все наши предки-новгородцы были высланы при Иване Грозном»* (В.Н. Замятин, 1937 г. р.). В «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской Епархии» за 1894 г. в описании Мудьюжского прихода приводится запись фольклорного предания, сделанная в 1822 г. местным священником Авениром Рожиным, в котором утверждается, что первопоселенцы Патракеевки пришли из Новгорода¹².

В местной традиции продолжает сохраняться деление фамилий на новгородские и московские, а в фольклорно-речевом дискурсе новгородцы противопоставляются москвичам. Респонденты гордятся своим «новгородским» происхождением. Они наделяют своих предков новгородцев такими чертами характера, как предприимчивость и свободолюбие. Эти же автостереотипы они используют для характеристики своей локальной микрогруппы.

В Патракеевке широкое распространение имеет предание о трёх братьях-первопоселенцах Негодяе, Безбородом и Морозко, основным мотивом которого является их бегство из Новгорода *«от гнева Ивана III»*. Жители села считают, что от их имён произошли местные фамилии Негодяевы, Безбородовы и Морозовы. По второй версии, которая имеет меньшее распространение, чем первая, первопоселенцы пришли на Мудьюгу из с. Орлецы, которое находится вверх по реке Северной Двине в 120 км от Архангельска, где, по преданию, у них произошла стычка с чюдью, которая после её разгрома новгородцами ушла за Урал. (С.И. Бурков, 1948 г. р.). В фольклорной традиции поселенческой группы совмещается два пласта знаний: первый об исторической родине первопоселенцев и второй — о последующих тесных контактах двинян и жителей Патракеевки. В народной прозе исторические фигуры царей Ивана III и Ивана Грозного объединяются в одном мифологическом образе царя Ивана, который разгромил Новгород и затем присоединил его к Москве, в рассказах он именуется иногда III, иногда Грозным. Исполнитель во время рассказа адаптирует текст, чтобы он был понятен собирателю.

Культурный контекст многих устных рассказов связан с личностью их исполнителя — С.И. Буркова (1948 г. р.). Он хороший рассказчик, много читает и интересуется историей своей деревни и рода, долгое время работал начальником местного узла связи, поэтому много ез-

¹² Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской Епархии. Архангельск, 1894. Вып. 1: Уезды Архангельский и Холмогорский. С. 130.

дил по всему Поморью. Классификация различных типов рассказчиков была предложена финским учёным М. Суояйнен. Опираясь на её выводы, можно отнести С.И. Буркова к типу наблюдателя-аналитика. С.И. Бурков не только излагает известный ему материал, но и всё время даёт ему свои оценки, делает во время рассказа ссылки и проводит различные ассоциации.

Три брата в фольклорно-речевой практике Патракеевки — мифологизированные персонажи. Мотив о братьях-первопоселенцах имеет общероссийское бытование. Как отмечает Н.А. Криничная, этому способствовало «сохранение рудиментов родовых отношений, заселение территории родственными коллективами — патронимиями, распад большой патриархальной семьи» [20, с. 12]. На Русском Севере подобные сюжеты представлены преданиями о расселении чудского племени, основании деревень переселенцами, бежавшими от иноземных захватчиков или беглыми солдатами. Сюжет о двух братьях, которые строили деревню, перебрасывая друг другу топор с одного берега реки на другой, был исследован Ю.И. Смирновым [21]. Несмотря на то что некоторые из его вариантов имеют «чудские» мотивы (например, предание о Кончаке), Ю.И. Смирнов, опираясь на корпус текстов, записанных в южных районах России, а также в Болгарии и Литве, убедительно доказал славянское происхождение этого сюжета. Анализируя ареал его распространения, Ю.И. Смирнов рассматривает варианты этого текста, имеющие похожие мотивы [21]. Так, в предании об основании поселений в Гарницкой Губе (в Заонежье) её первопоселенцами являются братья, бежавшие из Новгорода. Предание о братьях-первопоселенцах, перебрасывающих друг другу топор во время строительства деревни, до сих пор бытует в д. Валдеево Коношского района Архангельской области [22, Дранникова Н.В., с. 34].

Среди наших полевых записей 2015 г. есть рассказы о чуди. Устные рассказы о встрече первопоселенцев с аборигенным населением имеют широкое распространение на Русском Севере. В основном они представлены сюжетом о борьбе новгородцев с чудью и были распространены в Пинежском, Верхнетоемском, Коношском, Лешуконском, Вилегодском районах Архангельской области [23, Дранникова Н.В.]. Основными мотивами этих преданий по классификации Н. А. Криничной является борьба с антагонистом, избавление от него, исчезновение данного персонажа или определённой общности в конкретной местности [24]. Последний мотив в фольклорной прозе чаще всего представлен в текстах следующими элементами: погружение (уход) в землю, гору, источник; самозахоронение; гибель. Предания, подобные бытующим в Патракеевке, в которых основными элементами мотива являются ассимиляция [23, Дранникова Н.В.] или уход (бегство, отступление) из данной местности в иные земли, имеют меньшее распространение. Например, в книге Н.А. Криничной опубли-

кованы всего два текста о том, как чудь уходит на Новую Землю [24], в нашем варианте чудь уходит в восточном направлении, как ещё в двух текстах из сборника Н.А. Криничной [24]. В предании, записанном священником А. Рожиным в Патракеевке, мотив ассимиляции чуди более развёрнут по сравнению с другими публикациями [23, Дранникова Н.В.; 24, Криничная Н.А.] — только в этом тексте аборигены после ассимиляции с русским населением начинают «скрывать своё происхождение».

Большую часть из зафиксированных нами устных рассказов составляют нарративы о зверобойном промысле. Основной темой этих рассказов является добыча тюленя во время *вешного пути*. *Вешный путь* — зверобойная компания, проводившаяся в марте, во время которой охотились на молодых тюленей — бельков. Она проходила в районе села Зимняя Золотица. Промысел начинался на Власьев день (11/24 февраля) и заканчивался в начале марта. Рассказы о зверобойном промысле относятся к 1950-м – 2000-м гг. и заканчиваются 2007 г., когда он официально был запрещён государством. В этих рассказах много этнографических подробностей. Они включают в себя исторические сведения, например, о том, что раньше во время путины много зверобоев погибало, что льдины с промышленниками «*во время отноров*» уносило в Белое море, что для перевозки убитых тюленей существовали специальные лодки-*ледянки*, которые имели полозья, чтобы передвигаться по льду, и др. В советское время зверобойная кампания проходила на ледоколах. Респонденты подробно описывали нам этапы выращивания тюленя от стадии белька до стадии серки. Пол исполнителя оказывает влияние на стилистику рассказов. Женское гендерное восприятие зверобойного промысла проникнуто сочувствием к тюленям. Исполнительница говорит о детёнышах тюленя как о детях: *баграми били малышей*, зверобойную компанию она называет *мясорубкой*, вольеры, в которых дорашивали детёнышей тюленя до стадии серки, — *концлагерем для зверей*. Достоверность повествованиям придают топонимы: в рассказах упоминаются Земнегорский и Вепревский маяки, расположенные неподалеку от Зимней Золотицы. Рассказчики положительно оценивают изменения в быте зверобоев, которые произошли в советский период, они считают их более *комфортными* по сравнению с дореволюционными. Когнитивный контекст таких рассказов наполнен трагизмом — он связан с экстремальностью природных условий, в которых проходила зверобойная компания. Их экстремальность передаётся с помощью градации — эпизодов, включённых в текст устного рассказа по нарастающей: *лёд оторвёт от припая*, образовавшаяся полынья *забита мелкой шугой*¹³, *иногда*

¹³ Шуга — мелкий лёд.

такие разводья были, что по несколько километров отрывало за одну воду¹⁴. Исполнители дают высокую оценку роли, которую играл зверобойный промысел в жизни поморов, но на их рассказы о нём накладывается советский контекст, в котором манифестируется важность этого промысла для страны. Его важность для наших респондентов усиливает знание ими того исторического факта, что в годы Великой Отечественной войны жителей города Архангельска от голода спасало мясо тюленя. Некоторые из рассказов о зверобойном промысле представляют собой гипертекстовые образования — в них включаются топонимические предания о происхождении названия села Золотица, которое якобы произошло *от золота пушного*¹⁵ (А.Г. Кокорина, 1938 г. р.).

Частью локальной идентичности патракеевского сообщества является хорошее знание им местного промыслового календаря. В связи с тем, что лов рыбы не прекращался в советский период, календарь почти полностью сохранился в этнокультурной традиции села. Жители Патракеевки знают даты различных *подходов/походов* сёмги, сига и селёдки, которые были приурочены к календарным праздникам. Во время каждого из таких походов ловился определённый тип рыбы. Перечислим их: Ивановский поход сёмги (24 июня/7 июля) во время него ловилась мелкая сёмга, или *тинда*, Петровский (29 июня/12 июля) — *залом*, Ильинский (20 июля/2 августа) — *ильинка, залом*, Преображение (6/19 августа), Успение (15/28 августа) — *залом*, Александра Невского (30 августа/12 сентября) — *залом*, Семенов день (1/14 сентября) — *покровка, или белая голова, Сдвиженье* (14/27 сентября), Покров (1/14 октября) — *покровка, или белая голова*, Казанской иконы Божией Матери (22 октября/4 ноября), до ноября ловилась *осеневка, или листопадка*. Последнюю сёмгу называли *пионеркой, или залёдкой*. Сиг ловили на Ильин-день (20 июля/2 августа), селёдку — с Покрова (1/14 октября) до Сретенья (2/15 февраля). Её походы были приурочены к календарным праздникам Рождества и Крещения. Лов щуки зависит от фаз луны. Считали, что особенно хорошо она ловится на убывающей луне. Аграрный календарь по сравнению с промысловым не сохранился, так как он оказался не функционален для местного сообщества. Кроме *походов* рыбы, к календарным праздникам в Патракеевке были приурочены плавания судов в Норвегию. Суда уходили из Архангельска в Норвегию в Духов день и до Семёнова дня (1/14 сентября) возвращались обратно, в Патракеевку они приходили уже к Покрову. «В Духов день, наши считали моряки, что обязательно ветер будет с горы, то есть восток или юго-восток, чтобы из Белого моря выйти и направиться в Норвегию. Уходили и до Семё-

¹⁴ Прилив.

¹⁵ Меха белька высоко ценился.

нова дня они в Архангельск приходили, а сюда даже не заворачивали, здесь мелко» (С.И. Бурков, 1948 г. р.).

В этнокультурной традиции Патракеевки существовали ритуальные поведенческие нормативы, относящиеся к сфере ритуально-мифологического знания. Высокая степень сохранности промысловых поведенческих нормативов объясняется спецификой этого вида деятельности: «человек здесь больше, чем в любой другой отрасли хозяйства, чувствует себя во власти стихийных сил, а порой прямо сознает свою беспомощность» [25, Токарев С.А., с. 231]. Одним из наиболее почитаемых праздников в Патракеевке было Благовещение. Существовали ритуальные запреты, касающиеся работы в этот праздник: *«Корабли в море не ходят <в Благовещение>, то же самое, в понедельник, то же самое, не выходят в море»* (В.Н. Замятин, 1937 г. р.). Исполнители отмечали, что данный запрет имел более высокую обличительность, чем запреты на работу в другие церковные праздники, и сравнивали необходимость его соблюдения с юридическим законом: *«Не начинают никакой работы, не начинают. Это уже как закон»* (В.Н. Замятин, 1937 г. р.). Благовещение в Патракеевке, как и в с. Койда Мезенского района (ФА САФУ, п. 605), почиталось больше, чем Пасха, что может свидетельствовать о влиянии старообрядцев, для которых было характерно такое же отношение к этим праздникам [3, Бернштам Т.А.]. Трансформация традиционного сознания, произошедшая в советский период, отчётливо видна в ответах на вопросы, касающиеся содержания запретов на ведение промыслов в другие праздники — из-за чего собиратель и исполнитель начинали вкладывать различные культурные смыслы в традиционную для местного сообщества лексику. Наш вопрос о том, существовал ли запрет ловить рыбу в Ильин-день (20 июля/2 августа), информант не понял и ответил на него в логике современного дискурса, связанного с официальным запретом на вылов рыбы: *«Нет, не было, раньше-то не было запретов, это щас запреты всякие, а раньше-то в любое время лови, когда угодно, сколько угодно, чем больше, тем лучше»*. (В.Н. Замятин, 1937 г. р.)

В традиционной культуре Патракеевки существовали различные предметы-обереги, о которых хорошо знают наши респонденты. Для того чтобы выход в море был удачным, считалось, что обязательно нужно брать с собой икону, преимущественно — с изображением Николая Чудотворца, почитаемого местным населением как покровителя моряков и рыбаков; реже — с изображением святого покровителя промысловика. Кроме того, в качестве оберега могла выступать тряпичная кукла, сделанная женскими членами семьи. Считали, что благодаря ей во время работы рыбака будет сопровождать и приносить удачу «дух дома» (Ж.Д. Замятина, 1942 г. р.).

Функциональными для местного сообщества остаются фенологические наблюдения, сохранившиеся в форме примет и поверий. Как и население других деревень Зимнего берега, жители Патракеевки делили ветра на благоприятные и неблагоприятные для ведения промыслов. Самым благоприятным для рыбной ловли считался северо-западный ветер, или побережник: *«А так обычно называется отволек — это когда дул запад или северо-запад, полоскал дня три-четыре, потом резко свернул на Гору, а Гора — это северный ветер или северо-восточный, и вот называется «отволек». Тогда на сёмгу ставь-успевай. Вода мутная — она ничё не видит, прёт как танк сама в сети и в невода. Так и называют мужики — «отволек», то есть воля дана тебе.* (С.И. Бурков, 1948 г. р.). К неблагоприятным ветрам относили юго-западный, юго-восточный и восточный ветра, что нашло отражение в пословицах, распространенных на данной территории: *«Если ветер восток — рыба стоп. Не клюёт, значит»* (В.М. Фирсов, 1950 г. р.); *«Восток — не в чашку ложит, а из чашки берёт. Самый поганый восток, юго-восток ветра на Сухом море, потому что воду выжимает донельзя»* (С.И. Бурков, 1948 г. р.). *Если восток дует, значит из ложки: люди запасы подъедали, и рыба не ловилась* (Ж.Д. Замятина, 1942 г. р.). В объяснениях неблагоприятного воздействия восточных ветров на вылов рыбы проявляется гендерная разница: объяснения мужчин связаны с природно-климатическими особенностями, женщин — с бытовыми.

Повсеместно распространённая примета о связи большого урожая рябины с дождливой погодой получила здесь промысловое переосмысление: *«Рябины много когда завязалось, ягод уже зелёных много на деревьях, будет сёмга», — говорили»* (С.И. Бурков, 1948 г. р.). Несмотря на широкое распространение фенологических наблюдений в местном фольклорно-речевом дискурсе, в последние десятилетия в связи с климатическими изменениями исполнители в возрасте до 60–70 лет отмечают их устаревшесть и несоответствие действительности: *«Это старые приметы. Сейчас очень многое не совпадает... Да, так-то было около дела. А сейчас должно быть так, но совсем по-другому. Не совпадают сейчас многие приметы»* (В.М. Фирсов, 1950 г. р.). Некоторые из исполнителей, не занимающиеся промыслами, начинают вспоминать их с трудом.

Ритуал проводов на промысел тюленя в советское время был утрачен. На вопрос о том, как проходили проводы зверобоев, нам ответили, что никаких проводов не было, т.к. *«ехали не на праздник, а забивать зверя»*. К современным ритуальным практикам относится День рыбака, который отмечается вместо традиционного праздника св. Петра и Павла 12 июля. Раньше он был съезжим праздником центральной деревни Патракеевской волости — Патракеевки. День рыбака был советским профессиональным праздником. Он объединяет

всех жителей колхоза. Сейчас во время него делается совместная трапеза, на которую варят коллективную уху из сёмги или горбуши. Праздник сопровождается культурная программа, во время которой вспоминают знаменитых земляков и устраивают игры для детей и взрослых. В играх символически манифестируется идентичность местного сообщества, так как некоторые из них имитируют рыбную ловлю, являющуюся до последнего времени основным промыслом для этой поселенческой группы. Во время детской игры «В рыбаков и рыбок» происходит соревнование между её участниками в количестве «выловленной» рыбы, что повышает статус победителя в глазах местного сообщества.

К факторам, которые поддерживают и укрепляют локальную идентичность, относится наличие выдающихся или знаменитых земляков у местного сообщества. Жители Патракеевки гордятся Иваном Рябовым (И.Е. Седуновым), повторившим подвиг Ивана Сусанина. Во время Северной войны в 1701 г. он был захвачен в плен шведами, которые требовали от него показать проход для захвата Новодвинской крепости, вместо чего он посадил на мель под стенами крепости два шведских корабля, которые после этого были уничтожены. К знаменитым землякам патракеевцы относят судовладельца Н.И. Копытова. Он имел первый металлический траулер в Архангельской губернии, который купил в Англии. На его судне в 1856 г. во время своей экспедиции на Север побывал писатель С.В. Максимов [26, Максимов С.В.]. Не менее известен среди жителей Патракеевки судостроитель и судовладелец И.И. Бурков (1861–1938 гг.), имевший свою судоходную компанию, конкурировавшую с «Архангельско-Мурманским срочным пароходством», и расстрелянный в 1938 г. по делу норвежского консульства в Архангельске, судовладелец Г.И. Бурков, имевший семь парусных судов, и, как и И.И. Бурков, расстрелянный в 1938 г.; участник пропавшей арктической экспедиции в 1912 г. В.А. Русанова, матрос судна «Геркулес» — А.С. Чухчин; капитаны ледокола «Садко», внесшего значительный вклад в освоение Арктики и Северного морского пути, В.Н. Бурков, и первого научно-исследовательского судна «Персей» П.И. Бурков, глава колхоза «Красное знамя», председатель Союза рыболовецких колхозов Архангельской области Л.М. Селянинов.

Заключение

Подведём некоторые итоги. Предпринятое нами исследование позволяет сделать вывод о том, что этнокультурная традиция села Патракеевки представляет собой локальный тип поморской культуры. Патракеевка является центром культурного микроареала, в который, помимо неё, входят д. Куя, Козлы, Кадь, Поборка, Лодьма, Ижма. Жители села имеют позитивную идентичность. Они с гордостью рассказывают об историческом прошлом своей деревни и хорошо знают его. Патракеевцы гордятся тем, что их предками являлись новго-

родцы и что здесь никогда не было крепостного права, что их село было основано раньше, чем Архангельск, что местные жители имели больше торговых и промысловых судов, чем архангелогородцы и что у них были собственные солеварни, что здесь раньше, чем в других сёлах, появились школы, что Патракеевка являлась центром обучения мореплаванию, и поэтому её жители имели более высокий культурный уровень, были богаче, чем жители других поморских деревень. Они считают своих предков свободолюбивыми, смелыми и предприимчивыми людьми, эти же черты они экстраполируют на свою поселенческую микрогруппу. Они гордятся своими земляками, среди которых есть капитаны и судовладельцы, в советский период к ним добавляются председатели местного колхоза.

В сознании местного сообщества существует несколько уровней противопоставления себя чужим. В историческом плане оно противопоставляет себя москвичам, чуди и ненцам, в современном — жителям деревень, расположенных вдалеке от моря, и в меньшей степени — поморских деревень, в частности, находящихся на большом расстоянии от Патракеевки в соседнем с нею Мезенском районе Архангельской области. Важной частью локальной идентичности местного населения является представление о его культурной близости к жителям г. Архангельска и его исторической части — Соломбале, а также знание им промысловых традиций и фенологических наблюдений, существующих в виде примет и поверий.

Литература

1. Дранникова Н.В. Роль фольклорно-речевых материалов в изучении локальной идентичности жителей Зимнего берега // Традиционная культура. 2013. № 2. С. 40–46.
2. История семьи Жидких на фоне поморской культуры: исследование и публикация по материалам Г.Ф. Белошицкой / Общ. ред. и вступ. ст. И.А. Разумовой; подгот. текстов, сост. и коммент. О.В. Змеевой, И.А. Разумовой. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2013. 184 с.
3. Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009. 432 с.
4. Филин П.А. Этнографическое изучение поморов Терского берега Белого моря // Полярный архив. М., 2003. С. 110–113.
5. Филин П.А., Фризин Н.Н. Крест в промысловой культуре поморов Русского Севера // Статрографический сборник. М., 2001. С. 166–198.
6. Филин П.А., Трибунский В.П., Фризин Н.Н. Традиции природопользования поморов Зимнего берега Белого моря на рубеже XXI века // Вестник РГНФ. 2002. № 4. С. 179–190.
7. Алексеевский М.Д., Васкул А.И., Козлова И.В., Комелина Н.Г. Традиции рыбаков и зверобоев Терского берега Белого моря // Живая старина. 2009. № 2. С. 15–19.
8. Дранникова Н.В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология. Материалы IV Международной школы молодого фольклориста. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2002. С. 83–92.
9. Дранникова Н.В. Этнокультурная традиция мезенской деревни Сояны // Живая старина. 2010. № 4. С. 18–22.
10. Дранникова Н.В., Морозова Т.Н. Промысловый календарь Зимнего берега Белого моря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2014. № 5 (142). С. 56–60.

11. Морозова Т.Н. Современное состояние промыслового фольклора Зимнего Берега Белого моря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 7 (152). С. 81–84.
12. Honko L. Studies on tradition and cultural identity: an introduction // *Theoretical Milestones* / Ed. P. Nakamies, A. Honko. Helsinki, 2013, pp. 303–323.
13. Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность. Жанровая система. Этнопоэтика. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004. 432 с.
14. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Иск-во, 1979. С. 237–290.
15. Чистов К.В. Устная речь и проблемы фольклора // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1988. С. 326–340.
16. Леонтьев А.И. Зимняя сторона. Архангельск: Правда Севера, 1999. 574 с.
17. Попов Г.П., Семьин А.А., Бурков Г.Д. Мореходы Зимнего берега. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. 394 с.
18. Нурпейсова А.В. Страницы истории взаимоотношений России и Норвегии // Исторические связи Русского Севера и Норвегии. Архангельск, 1989. С. 63–71.
19. Бурков Г.Д. Патракеевка — село поморское, родина капитанов. М.; СПб.: ГеоГраф, 2005. 145 с.
20. Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Петрозаводск, 1991. 46 с.
21. Смирнов Ю.И. Первожители с единственным топором // Балто-славянские исследования 1997. М.: Индрик, 1998. С. 350–373.
22. Дранникова Н.В. Фольклор Архангельского края (из материалов Лаборатории фольклора ПГУ). Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1999. 81 с.
23. Дранникова Н.В. Чудь в устной традиции Архангельского Севера. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2008. 148 с.
24. Криничная Н.А. Предания русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 325 с.
25. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
26. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. 605 с.

References

1. Drannikova N.V. Rol' fol'klorno-rechevykh materialov v izuchenii lokal'noi identichnosti zhitelei Zimnego berega [The role of folklore and speech evidence in studying local identification image of the White Sea Winter Coast inhabitants], *Traditsionnaya kul'tura*, 2013, No. 2, pp. 40–46. [in Russian]
2. *Istoriya sem'i Zhidkikh na fone pomorskoj kul'tury: issledovanie i publikatsiya po materialam G.F. Beloshitskoi* [History of the Zhidkikh family on the background of Pomor culture: a study and publication on the base of G.F. Beloshitskaya's materials]. Obshch. red. i vstup. st. I.A. Razumovoi; podgot. tekstov, sost. i komment. O.V. Zmeevoi, I.A. Razumovoi, Apatity, Izd-vo Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN, 2013, 184 p. [in Russian]
3. Bernshtam T.A. *Narodnaya kul'tura Pomor'ya* [Folk culture of Pomorje], Moscow, OGI, 2009, 432 p. [in Russian]
4. Filin P.A. Etnograficheskoe izuchenie pomorov Terskogo berega Belogo morya [Ethnographic studying of the Pomors of the White Sea Tersk Shore], *Polyarnyi arkhiv*, Moscow, 2003, pp. 110–113. [in Russian]
5. Filin P.A., Frizin N.N. Krest v promyslovoi kul'ture pomorov Russkogo Severa [Cross in the fishing culture of the Pomors of the Russian North], *Stavrograficheskii sbornik*, Moscow, 2001, pp. 166–198. [in Russian]
6. Filin P.A., Tribunskii V.P., Frizin N.N. Traditsii prirodopol'zovaniya pomorov Zimnego berega Belogo morya na rubezhe XXI veka [White Sea Winter Shore Pomors traditions of natural resources use at the turn of XX century], *Vestnik RGNF*, 2002, No. 4, pp. 179–190. [in Russian]
7. Alekseevskii M.D., Vaskul A.I., Kozlova I.V., Komelina N.G. Traditsii rybakov i zverboev Terskogo berega Belogo morya [Traditions of the fishermen and sea-hunters of the White Sea Tersk Shore], *Zhivaya starina*, 2009, No. 2, pp. 15–19. [in Russian]

8. Drannikova N.V. Fol'klornaya ekspeditsiya Pomorskogo universiteta v selo Zimnyaya Zolotitsa [Folklore expedition of the Pomor University to Zimnyaya Zolotitsa], *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naya tekstologiya, Materialy IV Mezhdunar. shkoly molodogo fol'klorista*, Arkhangel'sk, Izd-vo Pomor. un-ta, 2002, pp. 83–92. [in Russian]
9. Drannikova N.V. Etnokul'turnaya traditsiya mezenskoj derevni Soyany [Ethnocultural tradition of the Soyana village], *Zhivaya starina*, 2010, No. 4, pp. 18–22. [in Russian]
10. Drannikova N.V., Morozova T.N. Promyslovyy kalendar' Zimnego berega Belogo morya [Pomor calendar of White sea Winter coast], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, 2014, No. 5 (142), pp. 56–60. [in Russian]
11. Morozova T.N. Sovremennoe sostoyanie promyslovogo fol'klora Zimnego Berega Belogo morya [Current state of the fishery folklore of the White sea Winter shore], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, 2015, No. 7 (152), pp. 81–84. [in Russian]
12. Honko L. Studies on tradition and cultural identity: an introduction, *Theoretical Milestones*, Ed. P. Hakamies, A. Honko. Helsinki, 2013, pp. 303–323.
13. Drannikova N.V. Lokal'no-grupповые prozvizhcha v traditsionnoj kul'ture Russkogo Severa. Funktsional'nost'. Zhanrovaya sistema. Etnopoetika [The local and group nicknames in traditional culture of the Russian North. Functionality. Genre system. Ethnopoetics], Arkhangel'sk, Izd-vo Pomor. un-ta, 2004, 432 p. [in Russian]
14. Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [Problems of speech genres], *Estetika slovesnogo tvorchestva*, Moscow, Isk-vo, 1979, pp. 237–290. [in Russian]
15. Chistov K.V. Ustnaya rech' i problemy fol'klora [Oral speech and problems of folklore], *Istoriya, kul'tura, etnografiya i fol'klor slavyanskikh narodov*, Moscow, Nauka, 1988, pp. 326–340. [in Russian]
16. Leont'ev A.I. *Zimnyaya storona* [The winter edge], Arkhangel'sk, Pravda Severa, 1999, 574 p. [in Russian]
17. Popov G.P., Sem'in A.A., Burkov G.D. *Morekhody Zimnego berega* [Winter shore sailors], Ekaterinburg, UrO RAN, 2007, 394 p. [in Russian]
18. Nurpeisova A.V. Stranitsy istorii vzaimootnoshenii Rossii i Norvegii [Chapters in history of relations between Russian and Norway], *Istoricheskie svyazi Russkogo Severa i Norvegii*, Arkhangel'sk, 1989, pp. 63–71. [in Russian]
19. Burkov G.D. *Patrakeevka — selo pomorskoe, rodina kapitanov* [Patrakeevka — pomor village, captains' homeland]. Moscow; Saint Petersburg, GeoGraf, 2005, 145 p. [in Russian]
20. Krinichnaya N.A. *Russkaya narodnaya istoricheskaya proza: voprosy genezisa i struktury*, Avto-ref. dis. ... doktora filol. nauk [Russian folk historical prose: questions of genesis and structure. Author's abst. PhD. filol. sci. diss], Petrozavodsk, 1991, 46 p. [in Russian]
21. Smirnov Yu.I. Pervozhiteli s edinstvennym toporom [Original inhabitants with a single axe], *Baltoslavjanskije issledovaniya 1997*, Moscow, Indrik, 1998, pp. 350–373. [in Russian]
22. Drannikova N.V. *Fol'klor Arkhangel'skogo kraya (iz materialov Laboratorii fol'klora PGU)*. [Folklore of the Arkhangel'sk region (Materials of PSU Folklore Laboratory)], Arkhangel'sk, Izd-vo Pomor. un-ta, 1999, 81 p. [in Russian]
23. Drannikova N.V. *Chud' v ustnoi traditsii Arkhangel'skogo Severa* [Chud in the oral tradition of the Arkhangel'sk region], Arkhangel'sk, Izd-vo Pomor. un-ta, 2008, 148 p. [in Russian]
24. Krinichnaya N.A. *Predaniya russkogo Severa* [The legends of the Russian North], Saint Petersburg, Nauka, 1991, 325 p. [in Russian]
25. Tokarev S.A. *Rannie formy religii* [Early forms of religion], Moscow, Politizdat, 1990, 622 p. [in Russian]
26. Maksimov S.V. *God na Severe* [The year in the North], Arkhangel'sk, Sev.-Zap. kn. izd-vo, 1984, 605 p. [in Russian]